

Ганс Гейнц Эверс Конец Джона Гамильтона Ллевелина

Несколько лет тому назад сидели мы как-то в клубе и беседовали о том, каким образом и при каких обстоятельствах каждый из нас встретит свою смерть.

- Что касается меня, то я могу надеяться на рак желудка, - проговорил я, - хотя это и не Бог весть как приятно, но это - наша добрая старинная семейная традиция. По-видимому, единственная, которой я останусь верен.

- Ну а я рано или поздно паду в честном бою с двенадцатью миллиардами бактерий. Это тоже установлено! - заметил Христиан, который уже давно дышал последней оставшейся у него половиной легкого.

Так же малодраматичны были и другие виды смерти, которые были предсказываемы с большей или меньшей определенностью остальными собеседниками. Банальные, ничтожные виды, за которые всем нам было весьма совестно.

- Я погибну от женщины, - сказал художник Джон Гамильтон Ллевелин.

- Ах, неужели? - рассмеялся Дудли.

Художник на мгновение смутился, но затем продолжал:

- Нет, я погибну от искусства.

- И в том и в другом случае приятный род смерти.

- А может быть, и нет?..

Разумеется, мы высмеяли его и убеждали его, что он очень плохой пророк.

Пять лет спустя я встретился с Троуэром, который тоже тогда был с нами в "Пэль-Мэль".

- Снова в Лондоне? - спросил он.

- Уже два дня.

Я спросил его, пойдет ли он сегодня вечером в клуб? Нет. Он сегодня весь день занят в суде. Я думаю, что Троуэр вне клуба представляет собою что-то вроде прокурора... но пожелаю ли отобедать у него? Конечно. У Троуэра отличный стол.

Около десяти часов мы покончили с кофе, и слуга подал виски. Троуэр потянулся в кожаном кресле и положил ноги на каминную решетку. И начал:

- Ты встретишь в клубе лишь очень немногих из прежних знакомых. Очень немногих.

- Почему?

- Многие поспешили оправдать свои предсказания. Ты помнишь, однажды ноябрьским вечером мы разговаривали о том, кто из нас и как умрет?

- Конечно. На другой же день я уехал из Лондона и только теперь снова очутился здесь.

- Ну так Христиан Брейтгаупт был первый. Спустя полгода он умер в Давосе.

- Ловко. Впрочем, ему было легко сдержать свое слово.

- Труднее было сдержать слово Дудли. Кто бы мог подумать, что его полк покинет Лондон? Он получил под Спионскопом пулю в лоб.

- Он пророчествовал тогда, что умрет от раны в грудь. Впрочем, это почти то же самое.

- Нас тогда было восемь. Пятеро уже готовы, и каждый на свой лад. Сэр Томас Уаймблтон - третий. Разумеется, воспаление легких. В четвертый раз. Он не пожелал упустить случая поохотиться на уток и простоял пять часов по пояс в Темзе. Черт знает, что за удовольствие.

- А Баудли?

- Этот еще жив. Ты его встретишь в клубе: здоров и свеж, вроде меня с тобой. Но надолго ли? А Макферсон тоже умер. От удара - два месяца тому назад. Он был жирен, как рождественский индюк, но все-таки никто не думал, что он так скоро покончит свое существование. Ему было всего только тридцать пять. Совсем юноша.

- Остается художник. Что с ним случилось?

- Ллевелин сдержал свое слово лучше, чем кто-либо из нас. Он погибает от женщины и от искусства.

- Он погибает? Как понять это. Троуэр?

- Он уже десять месяцев как в сумасшедшем доме в Брайтоне. В отделении для неизлечимых. Его молодая модель, лет около двадцати тысяч от рода, превратилась в ничто от его горячего поцелуя. Это так подействовало на его мозг, что он впал в безумство.

- Я просил бы тебя, Троуэр, прекратить свои шутки. В особенности когда они так нелепы, как эта. Смейся, если хочешь, над толстым Макферсоном и бледным Христианом, над красивым дудли или охотами Уаймбльдона, но оставь Гамильтона в покое. Над мертвыми можно смеяться, но не над живыми же, которые сидят в сумасшедшем доме.

Троуэр медленно стряхнул пепел с сигаретки и налил себе новую порцию виски. Затем он взял щипцы и помешал в пылающих поленьях. Его черты немного изменились, нижняя губа вытянулась.

- Я знаю. Художник был тебе ближе, чем мы, остальные. Но это не мешает попробовать улыбнуться и тебе, когда ты узнаешь историю. Бывают трагедии, от расслабляющего влияния которых мы можем спастись только шуткой. И где ты найдешь историю, которая не заключала бы в себе хоть какого-нибудь смешного момента? Если мы, германцы, научимся галльскому смеху, мы станем первой расой в мире. Ты можешь прибавить: еще более первой, чем теперь.

- А что же Джон Гамильтон?

- Его история вкратце такова, как я уже сказал: молодая дама, с которой он писал портрет и в которую был влюблен, при первом же его поцелуе расплылась от блаженства в ничто. И он от этого сошел с ума. Даме же этой было от рода всего только двадцать тысяч лет. Вот и все. Если ты желаешь, я могу дать некоторые дальнейшие объяснения.

- Пожалуйста. Значит, ты знаешь эту историю в точности?

- Чересчур точно... Точнее, чем хотелось бы. Я производил по ее поводу официальное дознание. Я ломал себе голову на все лады, соображая, в чем предъявить обвинение Ллевелину: в краже ли со взломом, в повреждении ли чужого имущества, или в кощунстве над трупом, или Бог знает, в чем еще?... но его тем временем отправили в сумасшедший дом, и моему дознанию пришел конец.

- Это становится все более и более удивительным.

- Это настолько удивительно, что ты должен собрать все силы, чтобы поверить.

- Рассказывай же!

- Джон Гамильтон Ллевелин работал в Британском музее. Насколько это мне известно, он получил чрез посредство лорда Густентона заказ на стенную живопись в третьей зале заседаний. В общем, он едва справился только с одной стеной, и работа так и осталась незаконченной. Вряд ли скоро найдут кого-нибудь, кто мог бы заменить его. Ллевелин имел талант и фантазию. Они-то и привели его в сумасшедший дом...

Приблизительно в это же время британский музей получил посылку неслыханной ценности. Ты, наверное, читал несколько лет тому назад известие, которое обошло все газеты и привлекло живейшее внимание всего мира. Ламутские юкагиры нашли во льдах Березовки, в Колымском уезде, взрослого, совершенно сохранившегося мамонта. Только хобот был немного поврежден. Якутский губернатор немедленно послал об этом извещение в Петербург. По представлению Академии наук русское правительство командировало на Крайний Север известного исследователя, Отто Герца, вместе с препаратором Петербургского зоологического музея, Фитценмейером, и его коллегой, Аксеновым. После четырехмесячного путешествия и двухмесячной работы участникам этой экспедиции удалось доставить на берега Невы сибирское чудовище в полной сохранности. Этот мамонт является ценнейшим сокровищем музея и единственным из ископаемых этого рода, какие только известны нашему времени.

Я должен, впрочем, заметить, что вся та область изобилует этими чудовищами, хотя все они встречаются в виде отдельных кусков. Сибирское предание называет их "мамманту", что

значит "землекопы", и утверждает, что это - чудовищные подземные звери, которые погибают, едва только увидят дневной свет. Китайцы, славящиеся работами из слоновой кости, уже тысячи лет пользуются для своих изделий исключительно клыками сибирских мамонтов, выкапываемыми из земли. Равным образом в 1799 году был найден в устье Лены довольно хорошо сохранившийся мамонт, который семь лет спустя был доставлен в Петербург Адамсом. Отдельные части этого мамонта теперь рассеяны по музеям всего света.

Вскоре после того, как упомянутая экспедиция благополучно прибыла в Петербург, правление Британского музея получило некое весьма секретное письмо, которое и побудило ее немедленно пригласить автора письма в Лондон. И автор этот оказался не кто иной, как знаменитый Аксенов. Этот господин заработал своим гениальным воровством несколько миллионов и теперь прокручивает их в Париже.

Добывая вместе с тунгусами из сибирских льдов мамонта, Аксенов сделал там еще одну драгоценную находку. Ни своим товарищам по экспедиции, ни своему правительству он не сказал об этом ни словечка. Он оставил свой клад спокойно лежать на том самом месте, где он лежал уже не одну тысячу лет, и, как ни в чем не бывало, вернулся вместе с экспедицией и откопанным толстокожим в Петербург. Нужно сказать правду: он исполнил гигантскую работу за все это время. И понятно, он был страшно разозлен, когда его товарищи по экспедиции - конечно, немцы - получили солидную денежную награду и важный орден, а ему пришлось довольствоваться только четвертой степенью этого ордена. Кто знает, быть может, без этого обстоятельства Аксенов и не написал бы письма Британскому музею. Во всяком случае, он именно этим и мотивировал свое предложение. Правление музея охотно откликнулось: отчего не взять хорошую вещь, когда ее дают? Нужно брать свое добро всюду, где его находишь, и не распространяться о том, откуда оно взялось... В особенности, когда управляешь Британским музеем...

Аксенов предложил музею свою вторую находку из сибирских льдов, которую он брался лично доставить в Лондон. За это он получил немедленно по доставке 300.000 фунтов. Риска для музея не было почти никакого, если не считать сравнительно небольшой суммы, которая требовалась Аксенову для организации новой экспедиции. На всякий случай, впрочем, с ним отправили двух надежных людей из служащих музея. Экспедиция отправилась на английском китоловном судне в Белое море, высадилась там где-то на побережье, и, оставив корабль крейсировать у берегов и ловить китов и тюленей, Аксенов со своими английскими спутниками и несколькими нанятыми тунгусами отправился внутрь страны. Эта экспедиция была для Аксенова, конечно, несравненно опаснее, чем первая: тогда он был снабжен открытым листом, обеспечивающим ему всевозможную помощь и содействие, и находился в обществе старших товарищей. Теперь же он должен был рассчитывать только на самого себя и ему, кроме того, приходилось измышлять тысячу хитростей, чтобы не попасться в руки русского правительства. Роберт Гарфорд, сын лорда Уильфорса, который был посвящен во все тайны этой экспедиции, рассказывал мне о ней. Это была дьявольская история! Ловкий парень был этот русский... аккурат в назначенное время он явился с компанией в укромное местечко, где его поджидал корабль, и спустя десять недель корабль уже входил в Темзу. Тайна была так хорошо сохранена, что никто из корабельного экипажа не знал, какой именно груз следует на судне. Между тем в музее потихоньку, без всякого шума и не привлекая ничего внимания, приготовили особое помещение для драгоценной находки. Там она должна была покоиться целых тридцать лет, так, чтобы ни один человек, за исключением интимного кружка посвященных, ничего не подозревал о том, какое новое сокровище таится в Лондоне. Через тридцать лет - ну, тогда можно было бы показать его всему свету: тогда уже умерли бы замешанные в этом деле люди и не было бы основания опасаться политических осложнений с Россией, так как нельзя было бы восстановить обстоятельств дела. Да что!... Через тридцать лет эта кража превратилась бы в героический поход аргонавтов за Золотым руном!

Так рассчитало правление этого мирового дома сокровищ, и расчет его наверно исполнился бы, если бы наш друг Джон Гамильтон Ллевелин не перечеркнул его резкою

чертой... он принадлежал к тем немногим смертным, которые были удостоены приветствовать азиатскую принцессу при ее вступлении на английскую землю. Следует сказать, что таинственная находка представляла собою не что иное, как колоссальную глыбу льда, внутри которой была заключена - быть может, уже в течение многих тысяч лет - прекрасно сохранившаяся нагая молодая женщина. Молодая дама попала туда, по всей вероятности, токим же способом, как и ее родственник, петербургский мамонт. Как именно - ответить на это не так-то легко. И по поводу мамонта многие величкие ученые тщетно ломали себе головы, а с нашей великой принцессой дело обстояло еще сложнее.

Комната, которая была предназначена для молодой дамы в качестве ее будущего местожительства, была весьма замечательна. Она находилась во втором подвале и была вышиною в двадцать метров, шириною и длиною в сорок. Вдоль стен стояли четыре аппарата для выделки искусственного льда, закрытые высокими, в половину высоты всей комнаты, ледяными стенами. Для высокой гостии с далекого Севера было сделано и еще кое-что: подземная зала, посредине которой была поставлена глыба с принцессой, была превращена в настоящий ледяной дворец с постоянной температурой в пятнадцать градусов ниже нуля. Пол был покрыт гладким и ровным слоем льда, и то здесь то там вздымались колонны изо льда, капители которых были унизаны длинными ледяными сталактитами. Искусно расположенные электрические лампочки освещали этот ледяной дворец.

Сюда вела единственная железная дверь, непроницаемая для воздуха, прикрытая изнутри ледяной глыбой. Снаружи, за этой дверью, находилась уютно обставленная передняя, и там, у яркого камина, посетитель мог согреться после своего визита к ледяной принцессе. Смирнские ковры, турецкий диван, удобные кресла-качалки - все здесь было в такой же мере уютно и приветливо, в какой мере неуютно и неприветливо было там, в ледяном дворце.

Итак, красавица была благополучно водворена в ее ледяной дворец. Аксенов получил из секретного фонда музея деньги и уехал. Первоначальное волнение по поводу сокровища понемногу улеглось. Два почтенных господина были единственными регулярными посетителями ледяного дворца: лондонский антрополог и его коллега, эдинбургский профессор. Они производили измерения или, по крайней мере, пытались производить их, насколько можно измерить предмет, находящийся внутри ледяной глыбы в двенадцать кубических метров. Эдинбургский ученый, сэр Джонатан Ганикук, провел около месяца в Петербурге, где он изучал мамонта. Он давал нашей молодой даме столько же лет, как и мамонту, а именно: двадцать тысяч лет. Он клялся чем угодно, что и тот и другая замерзли в один и тот же час. Эта гипотеза согласовалась с показаниями Аксенова, который утверждал, что обе находки лежали одна от другой на расстоянии менее чем одного ружейного выстрела и что они находились обе в старом русле Березовки. К сожалению, гипотеза эдинбургского профессора не встретила сочувствия у его лондонского коллеги, славного ученого Пеннифизера. Последний находил чисто случайным то обстоятельство, что оба сокровища лежали на близком расстоянии друг от друга. По его мнению, дама была, по меньшей мере, на три тысячи лет моложе, чем мамонт, что показывала вся ее внешность. Человеческие современники мамонта должны были выглядеть совсем иначе. Он представил своему коллеге множество рисунков, изображающих этих человекоподобных. В самом деле, наша принцесса выглядела иначе. В актах того дела, которое было потом возбуждено против Ллевелина, находились целый ряд рисунков и один большой портрет работы Ллевелина. А он был единственный человек, который видел ее без ее ледяного покрова. Молочно-белая, с чисто-розовым оттенком нежной, словно персик, кожи, с глубокими голубыми глазами и белокурыми локонами, со стройным телом, - она могла служить моделью Праксителю. Пеннифизер был прав: она была совсем не то, что скуластые, узкоглазые первобытные женщины на его рисунках. Но его эдинбургский коллега не сдавался:

- Кто исполнял эти рисунки? - спрашивал он. - Во всяком случае люди, которые никогда в глаза не видели подобных существ. Жалкие теоретики, которые с помощью обезьяньих физиономий и невероятно неэстетичной фантазии пустили в научный обиход эти

рожи... Первобытная женщина - это та, которая заключена в ледяной глыбе, и издатели научных книг не могут сделать ничего лучшего, как только выкинуть из всех антропологических сочинений те идиотские чудовищные картинки.

Пеннифизер на это возразил, что Ганикук - осел. Тогда Ганикук дал Пеннифизеру пощечину. Затем Пеннифизер стал боксировать Ганикука в живот. Затем Ганикук принес жалобу в суд. Затем Пеннифизер также принес жалобу в суд. Затем судья оштрафовал Пеннифизера, равно как и Ганикука, на десять фунтов, а дирекция Британского музея закрыла для Пеннифизера, равно как и для Ганикука, свои двери...

После этого маленького эпизода сибирская принцесса получила на некоторое время отдых от назойливых посетителей. Но потом явился тот, чье посещение было столь же роковым для нее, как и для него самого.

Я уже говорил, что Джон Гамильтон был одним из тех немногих, которые присутствовали при вступлении принцессы в музей. При этом случае было сделано несколько фотографических снимков с нее. Но все они в большей или меньшей степени оказались неудачными. Вследствие своеобразной преломляемости ледяного панциря на негативах получались такие пятна и уродливости, что юная принцесса выглядела на них, как в смехотворном магическом зеркале. Тогда представители музея обратились к Ллевелину с просьбой попытаться нарисовать принцессу. Художник, сам очень заинтересованный всем этим, охотно пошел навстречу просьбе и сделал несколько рисунков. Сеансы проходили в присутствии служащих музея. Ллевелину, как видно, удалось найти удачное положение для созерцания чопорной красавицы, потому что его рисунки в высшей степени точны и отчетливы.

Во время сеансов с Гамильтоном, очевидно, произошло что-то необычайное. Служащие музея впоследствии на допросе показали, что они вначале не замечали ничего особенного, но на последних сеансах им бросалось в глаза, что художник целыми минутами пристально глядел на ледяную принцессу, оставив рисование. Как будто оцепенев от холода, он едва держал карандаш и лишь с большим усилием мог оканчивать рисунок. Однажды во время последних сеансов он потребовал у служащих и прямо принудил их уйти в переднюю комнату. Они сначала не нашли в этом ничего необыкновенного и приписали это требование художника исключительно его любезности: он, по-видимому, просто не хотел, чтобы они зябли в холодном помещении. Однако им показалось странным, что он предложил им тогда чрезмерно крупные деньги на чай, чтобы они оставили его одного в ледяной зале. Два-три раза после того, находясь в передней комнате, они слышали, как в ледяной зале кто-то говорил, и узнали голос художника.

Около этого же времени Ллевелин явился к директору музея и просил предоставить ему ключ от помещения ледяной принцессы. Он собирался писать с нее большой портрет и поэтому желал иметь доступ к ней в любое время. При всяких иных обстоятельствах его просьба наверное была бы удовлетворена, так как Ллевелин все равно был посвящен в тайну. Но поведение художника во время этого визита и странная манера, с которой он изложил свою просьбу, были настолько необычайны, что у директора возникло подозрение, и он хотя и учтиво, но весьма определенно отказал Ллевелину. Тогда художник вскочил, задрожал всем телом и, не прощаясь, выбежал вон. Разумеется, это необычайное происшествие еще более укрепило инстинктивное подозрение директора, и он отдал строгий приказ всем служащим, чтобы отныне его без особого письменного разрешения они не пропускали в подземные помещения никого.

Спустя некоторое время в музее стал ходить слух, что кто-то пытался подкупить некоторых служащих, чтобы проникнуть в ледяное помещение. Слух дошел до директора. И так как последний был ответственным лицом во всей этой истории с принцессой, то он распорядился провести строгое дознание. Нечего добавлять, что таинственный "кто-то", пытавшийся подкупить сторожей, был все тот же наш друг, Джон Гамильтон.

Директор отправился в зал заседаний, где Гамильтон в то время работал. Он нашел его там в самом жалком виде: художник забился в дальний угол, скорчился на скамейке и

спрятал голову в руки. Директор заговорил было с ним, но Гамильтон весьма вежливо попросил его выйти как можно скорее из этой комнаты, в которой хозяйские права в настоящий момент принадлежат ему, Гамильтону. Директор понял, что художник недоступен ни для каких слов и убеждений. Он пожал плечами и в самом деле вышел, и лишь приказал повесить на дверь подземной комнаты три секретных замка, а ключи от них положил в денежный шкаф в своем кабинете.

В течение трех месяцев после того все было спокойно. Два раза каждую неделю директор лично навещал заколдованную принцессу, в сопровождении двух служащих, на обязанности которых лежал присмотр за машинами, выделяющими лед. И это были единственные посетители у нее. Ллевелин каждый день являлся в зал заседаний, который он расписывал, но он больше уже не работал. Краски сохли на палитре, а кисти лежали немывые на столе. Он целыми часами сидел неподвижно на скамейке или принимался ходить большими шагами взад и вперед по зале. Дознание установило с достаточной точностью все, что он делал в это время. Несколько странными и подозрительными были визиты, которые он тогда делал известным лондонским ростовщика. Он пытался, впрочем, без успеха, занять не менее десяти тысяч фунтов под ожидаемое в весьма далеком будущем большое наследство. В конце концов он достал только пятьсот фунтов под большие проценты у Гельплеса и Некрайпера на Оксфордской улице.

Однажды вечером Гамильтон появился после долгого отсутствия снова в клубе. Как я позднее установил, это было в тот самый день, когда он достал денег. Он наскоро поздоровался со мной в библиотеке и спросил, здесь ли лорд Иллингворс. Иллингворс, как ты прекрасно знаешь, самый отчаянный игрок во всех трех королевствах. Услышав, что лорд явится только поздно вечером, Ллевелин согласился поужинать вместе со мной, но был так нервен, что мы все обратили на это внимание. Потом мы беседовали в клубной комнате. Ллевелин был так нервен, что невольно заряжал своей нервностью собеседников. Он поминутно смотрел на дверь, вертелся в кресле и пил виски одну порцию за другой. Около двенадцати часов он вскочил и бросился навстречу вошедшему Иллингворсу.

- За вами мой реванш! - воскликнул он. - Вы играете сегодня со мной?

- Конечно! - рассмеялся лорд. - Кто еще с нами?

Разумеется, Стендертон был с ними, а также Крауфорд и Баудли. Мы пошли в игорную комнату. Когда служитель принес карты для покера, Иллингворс спросил:

- Ну, сколько же вы желаете сегодня проиграть, Гамильтон?

- Тысячу фунтов наличными и все то, что я вам задолжаю! - ответил художник и вынул бумажник.

Очевидно, кроме денег, добытых у ростовщика, он принес и все то, что оставалось у него из своих денег.

Баудли ударил его по плечу:

- Ты с ума сошел, юноша? В твоём положении не ведут крупной игры!

Ллевелин сердито отшел в сторону:

- Оставь меня в покое! Я знаю, чего хочу! Или я выиграю сегодня десять тысяч фунтов или проиграю все, что имею.

- Желаю счастья! - рассмеялся Иллингворс, - Не желаете ли смешать, Крауфорд?

И игра началась...

Гамильтон играл по-ребячески. В три четверти часа он потерял все свои деньги до последней кроны. Он попросил у Баудли тысячу фунтов, и так как тот был в выигрыше, то не мог отказать ему. Ллевелин стал продолжать игру и в четверть часа снова потерял все. На этот раз он обратился с просьбой о деньгах ко мне. Я не дал ему ничего, так как был уверен, что он все проиграет. Он кланчил и умолял меня, но я был тверд. Он вернулся к игорному столу, поглядел с минуту на играющих, а затем сделал мне знак рукой и вышел.

Так как игра перестала теперь интересовать меня, то я отправился в читальню. Я прочел две-три газеты и поднялся, чтобы отправиться домой. И в это время, когда слуга уже подавал мне пальто, в швейцарскую вошел Ллевелин и бросил на вешалку свою шляпу. Он

заметил меня и спросил:

- Там играют еще?

- Не знаю.

Но он почти не слышал моих слов и со всех ног побежал в игральную. Я разделся и последовал за ним. Гамильтон сидел за игральным столом, и перед ним лежало около двухсот фунтов. Как я узнал впоследствии, он успел за это время съездить в Яхт-клуб и там занял у лорда Гендерсона на честное слово до следующего дня эту сумму.

На этот раз он играл достаточно счастливо, но так как ставки были сравнительно маленькие, то в течение часа он едва сколотил тысячу фунтов. Он пересчитал два раза банковские билеты и выбранился сквозь зубы.

Лорд Иллингворс рассмеялся.

- Вы хотите сегодня силой разбогатеть, Ллевелин, - произнес он, - покер тянется слишком медленно для вас. Не желаете ли сыграть в банк?

Художник взглянул на него с такой благодарностью, как будто лорд спас ему жизнь.

Крауфорд заложил новый банк, и началась игра в баккара. Наэлектризованный Ллевелином лорд тоже разгорячился, и ставки все повышались и повышались.

- Это не очень изящно - пересчитывать постоянно свои деньги! проворчал Баудли.

- Я знаю! - ответил Гамильтон, сконфузившись, словно школьник. - Но сегодня я должен делать это. - И он торопливо пересчитал еще раз. Он проигрывал и выигрывал, и однажды у него оказалось почти восемь тысяч фунтов. Так как остальные игроки оставались в скромных границах, то в конце концов вся игра свелась к дуэли между художником и лордом Иллингворсом.

Гамильтон еще раз пересчитал свои деньги. Он только что получил две крупных ставки.

- Еще пятьдесят фунтов! - пробормотал он.

Но он не приобрел этих пятидесяти фунтов. Его противник стал бить у него карту за картой, и вскоре Гамильтон был снова гол, как крыса.

Игра кончилась, и присутствующие стали расходиться. Но Гамильтон все еще сидел за столом. Он пристально смотрел на рассыпанные карты и нервно барабанил по столу своим портсигаром.

Лорд Иллингворс неожиданно вернулся и ударил его по плечу.

Гамильтон вскочил.

- Вы нуждаетесь в десяти тысячах фунтов для какой-нибудь цели?

- Это вас не касается!

- Не так резко, юноша! - рассмеялся лорд. - Я покупаю за эту цену вашу картину, которую этим летом видел в Париже на Марсовом поле. Вот деньги!

Он пересчитал банковые билеты и выложил их на стол.

Ллевелин схватил их но лорд удержал его за руку.

- Не спешите. Я ставлю условие. Я беру с вас честное слово, что вы никогда более не будете играть.

- Никогда более! - воскликнул художник и протянул лорду свою правую руку.

Он сдержал это слово, равно как и то, которое дал лорду Гендерсону, которому он на другой же день отослал его деньги.

А спустя два дня я был поставлен в неприятную необходимость написать на заголовке нового, только что возникшего уголовного дела:

"... против

Джона Гамильтона Ллевелина и соучастников".

Дело было возбуждено по жалобе правления Британского музея. Кроме нашего друга обвинение было предъявлено еще к некоему натурщику и к одному из низших служителей музея. Последнего сцапали тотчас же, тогда как тому, уже неоднократно судившемуся и прошедшему огонь и воду детине удалось благополучно улизнуть. Служитель во всем сознался. Ллевелин подкупил его двумя тысячами фунтов закрыть глаза во время его

ночного дежурства. Но служитель решился на это лишь после того, как Ллевелин поклялся ему на евангелии, что ничего не будет украдено. Около девяти часов вечера художник вместе с другим человеком, которого он называл Джеком, пришел в музей. Служитель впустил их, и они прошли в бюро дирекции. Дверь туда открыл упомянутый Джек посредством отмычки; затем он вытащил из кармана множество ключей инабойников и попытался отпереть денежный шкаф. Это ему удалось без особого труда, так как шкаф был старой системы, с многочисленными недостатками. Из шкафа художник взял только ключ и затем снова запер его.

Тогда все трое отправились вниз, в подвал. Там они отперли хитроумные замки и вошли в переднюю комнату. Художник приказал служителю развести огонь в камине, и скоро по всей комнате распространилась приятная теплота. В это время Джек расставил принесенные им с собой складной мольберт и ящики с красками. После того художник вручил служителю обещанные деньги, а Джеку дал еще более денег, но сколько - он не знает. Очевидно, это был остаток суммы, полученный с лорда Иллингворса, потому что у Гамильтона потом не было найдено ни одного шиллинга. Затем художник приказал обоим уходить, и они ушли, а он запер за ними изнутри двери. Оба компаньона отправились в помещение к швейцару и распили там по стакану грога в воздаяние своих заслуг. Натурщик после этого откланялся, а служитель заснул сном праведника и проспал до шести часов утра, пока не явился на смену ему другой сторож. Он пошел домой, поспал там еще часа два, а затем стал раздумывать, как бы ему поступить далее? Несомненно, история рано или поздно должна всплыть наружу. Несомненно также и то, что его потянут тогда к ответу. Но, впрочем, что ж из того? Ведь он не совершил ничего такого, что может поставить его в неприятное соприкосновение с законом. Украдено, наверное, ничего не было: в этом ему поклялся художник самою святою клятвою. Деньги же навсякий случай припрятаны в надежном месте...

И он сел и в самом благодушном настроении написал в правление музея донесение, в котором обстоятельно описал все, как было. Свое описание он сам и отнес в музей. Это было в пять часов пополудни. Директор собирался уходить домой. Он прочел письмо, осмотрел шкаф, убедился в пропаже ключа, кинулся с несколькими служащими в подвал. Чтобы узнать, что там делается. Но железная дверь с хитроумными замками не поддавалась. Директор приказал позвать слесаря и заодно послал за полицией. После четырехчасовой работы удалось с помощью отверток и молотков выставить дверь, и она с грохотом упала в переднюю комнату. Директор и служащие кинулись туда... но на них пахло таким ужасным зловонием, что все они, словно одурманенные, невольно попятились назад. Директор завязал себе носовым платком нос и рот и пробежал через переднюю комнату в ледяной зал. Ледяная глыба была расколота поперек, а ее обительница... исчезла.

И вдруг откуда-то из угла послышался жалобный стон, в котором едва можно было узнать человеческий голос. Крепко стиснутый двумя глыбами льда, почти замерзший, с темною запекшеюся кровью на лице и руках, в одной сорочке, сидел там Джон Гамильтон Ллевелин. Глаза у него выходили из орбит, губы были покрыты пеной. С большим трудом удалось вытащить его из льда. На все вопросы он отвечал лишь бессмысленным лепетом. Когда его привели в переднюю, он закричал как одержимый и стал отбиваться руками и ногами. Четверо служителей должны были взяться за него.

Но, когда они приблизились к двери, он снова с диким воем вырвался у них и бросился в самый отдаленный угол. Безумный страх перед передней комнатой придавал такую энергию его полузамерзшему, почти безжизненному телу, что служителям не оставалось ничего другого, как только связать его по рукам и ногам и вынести как колоду. И даже тогда он вырвался из их рук и с ужасающим криком упал на пол перед из дверью. Он сильно ударился головой об лед и потерял сознание.

Только в таком состоянии его и могли отправить в больницу. Оттуда через четыре месяца он был переведен в дом умалишенных в Брайтоне. Я навестил его там; он имел самый плачевный вид: оба уха и четыре пальца левой руки у него были отморожены. Ужасный

хриплый кашель непрерывно сотрясал все его тело. Очевидно, он к довершению всего схватил в ту же ужасную ночь в ледяной зале еще и чахотку. И мне стало ясно, что конец его близок. Способность речи так к нему и не возвратилась. Он не имеет даже светлых промежутков. И день и ночь его терзал жестокий бред преследования, так что он ни на одно мгновение не может остаться без присмотра.

- Что же, однако, произошло в ту ночь под сводами Британского музея?

- Мне стоило немалого труда собрать и сопоставить все, даже незначительнейшие, моменты, чтобы составить ясную картину всего происшедшего. Я исследовал все его папки и портфели. Там нашелся рисунок, здесь две-три строки, объясняющие его фантазии... конечно, очень многое покоится целиком на гипотезах, но я думаю, что и в этих гипотетических основаниях ошибочного не так уж и много.

Джон Гамильтон Ллевелин был фантаст. Или философ - что, в сущности, то же самое. Однажды вечером, несколько лет тому назад, я встретил его не улице: он только что вскочил в кеб и поехал в обсерваторию. Я тогда последовал за ним. Он был там хорошо знаком со всеми, так как посещал обсерваторию с самого своего детства... И как у всех астрономов, так и у него смешивались представления о времени и пространстве. Астроном видит звезды, которые в одну секунду пробегают тысячи миллионов миль. Колоссальные величины, которыми он привык оперировать, неизбежно делают его мозг менее чувствительным к убогим горизонтам нашей земной жизни. А если наблюдатель звезд в то же время еще и художник, одаренный воображением и фантазией, как Гамильтон, то борьба его духа с материей должна вырасти до грандиозных размеров. Только исходя отсюда - от этой точки зрения - ты сможешь понять его удивительные картины, которые приобрел в наследство Баудли.

Так проходил свой жизненный путь Гамильтон, всегда с отпечатком бесконечности в сердце. Все окружающее казалось ему пылью секунд: грязь из уличной лужи и дивная красавица - совершенно одинаково. Этот взгляд предохранял его от той духовной реакции, которую принято называть любовью. Если бы ему преподнесли на блюде женщину дивной красоты и сказали: "Пожалуйста!", наш белокурый художник с мечтательными глазами рассеянно ответил бы: "Благодарствуйте!" - и стал бы грезить далее...

Для того, чтобы его завоевать, должно было сбыться что-нибудь совершенно несбыточное. Должна была явиться красавица, которая стояла бы превыше времени и пространства, как он сам. И это невозможное сбылось. Странствующий рыцарь нашел в недрах туманного, вонючего Лондона спящую красавицу, заколдованную принцессу. Не поразительно ли это? Молодая прекрасная женщина, которая за много тысяч лет перед тем жила где-то в Сибири, явилась к нему в Лондон, чтобы стать его моделью. Иногда ему казалось, что она смотрит на него долго, нежно, не опуская ресниц. Что она хочет сказать ему? Не то ли, что она невинно прошла через невероятную мглу столетий, чтобы найти его? Как спящая красавица, она покоилась мертвым сном в сибирских льдах, ожидая своего рыцаря...

"Но ведь она мертвая?" - быть может, говорил он себе. Но что же из того? Если она мертвая, то значит ли это, что ее нельзя уже любить? Пигмалион любил же статую и вдохнул в нее жизнь. Христос своей всечеловеческой любовью подарил мертвой дочери Иаира жизнь. Чудо? Да, чудо! Но разве эта спящая во льду красавица не чудо? И наконец, что мертво? Разве мертва земля, дающая жизнь цветам? Разве мертв камень, творящий кристаллы? Или капля воды, которая создает на замерзшем окне чудные папоротники и мхи? Смерти не существует... Эта женщина победила всемогущее Время. Несмотря на тысячи лет, она сохранила свою красоту и молодость. Цезарь и Клеопатра, великий Наполеон и Микельанджело, Шекспир и Гете - величайшие и сильнейшие люди всех столетий - были растоптаны ногою Времени, как черви на дороге. А эта маленькая, хрупкая красавица ударила Время по лицу своей белой ручкой и заставила этого величайшего убийцу отступить перед нею.

Художник мечтал, и удивлялся, и... влюбился.

Чем чаще он посещал ледяной дворец, чтобы рисовать свою прекрасную возлюбленную, тем яснее рисовалась в его воображении картина, которую он задумал создать, великая картина его жизни: победа человеческой красоты над бесконечностью. Это была миссия заколдованной принцессы. Для этого она и пришла к нему. В его мечтательной душе вырастал и распускался тот великолепный цветок, который только однажды в тысячу лет расцветает для человечества - любовь и искусство, соединенные в одном чистом восприятии.

Но не в ледяной глыбе хотел он изобразить в своей картине возлюбленную. Свободная, смеющаяся, должна была она покоиться на скале, с легким прутиком в руке. А пред нею - убийственное Время, бессильное, укрощенное ее победной молодостью. Эта картина должна была дать людям сознание их божественности прекраснейший подарок, который они могли получить когда-либо! Он - со своей переливающейся творческой силой в груди, и она - эта прекраснейшая женщина, победившая Время, - они осуществят вдвоем невероятное.

Мало-помалу в нем зрела, таким образом, мысль освободить ее из ледяной глыбы. Трудности, которые приходилось преодолеть для этого, только прищипывали и возбуждали его. Его фактотум Джек из тех натурщиков, которые на все руки мастера, единственный человек, посвященный в его план, сумел представить ему этот план еще более опасным и трудным, чтобы выжать из своего патрона как можно больше денег. Джек внушил ему мысль, что служащих музея можно подкупить только чудовищными суммами. Отсюда все его безнадежные попытки добыть денег у ростовщиков. Между тем, по распоряжению директора, ему был закрыт доступ в ледяную залу, и Ллевелин неистовствовал в своей зале заседаний; и его желание освободить свою возлюбленную и создать вместе с ней величайший подарок для человечества разрасталось в нем в эти одинокие часы до бесконечности.

И вот пришла ночь, когда он попытался покорить судьбу в клубе с картами в руках. Судьба посмеялась над ним и отняла у него все, что он имел. Но подобно тому, как прекрасная дама, долго сопротивлявшаяся назойливым ухаживаниям своего возлюбленного, неожиданно отдается ему, когда он уже пришел в совершенное отчаяние и потерял всякие надежды, - так судьба нежданно улыбнулась наконец Гамильтону и доставила ему через посредство лорда Иллингворса ту сумму, которая была необходима ему. И тогда он не терял уже ни одного мгновения - и в следующую же ночь приступил к осуществлению своего плана. По счастливому совпадению, в эту ночь в подвале музея дежурил тот самый сторож, который был подговорен Джеком. Ключи были добыты, ледяная зала отперта, Гамильтон дал обоим своим соучастникам самый крупный "на чай", который когда-либо получали привратники.

Он трижды повернул ключ во входной двери. Итак, теперь он был один. Он постоял, прислушался к шагам, которые замирали в коридоре. Вот он уже не слышал ничего. Он глубоко вздохнул - а затем решил и быстрыми шагами прошел в ледяную залу. Вот и она! Почему же она не выбежала навстречу ему из своей ледяной глыбы? Но ее глаза, казалось, смотрели на него; ее рука, казалось, пошевелилась... Он полез в боковой карман и вынул небольшой, остро наточенный топорик.

- Прости меня за мое нетерпение! - шептал он. - Прости, если я обеспокою тебя неловким ударом!

И он приступил к своей работе, которая должна была оказаться очень нелегкой для его несовершенного инструмента. С бесконечной осторожностью и любовью пробивал он дорогу к своему счастью, не замечая холода, сковывавшего его пальцы. Как несказанно медленно продвигалась его работа! Ему казалось, что он работает уже несколько долгих часов. Но красавица как будто ободряла его время от времени:

- Терпение, милый! Скоро я буду в твоих объятиях!

Со звоном разлетались во все стороны ледяные осколки. Еще один легкий удар, и еще один, и еще... Он боялся одно мгновение, что волосы на ее голове и маленькие волосики на ее теле окажутся крепко приставшими к ледяной массе. Но нет. Тело было натерто

благоуханным маслом, так что он мог поднять ее с ледяной постели целой и невредимой. Его руки дрожали, все его тело содрогалось от холода. Быстро внес он ее на своих руках в теплую, восхитительно уютную переднюю комнату. Красное пламя камина напевало там свою странную песенку. Тихо, с величайшей осторожностью, положил он ее на диван. Ее веки были сомкнуты, она, казалось, спала.

Теперь скорее подрамник, мольберт, краски! Он принялся за работу с жаром, с воодушевлением. Еще ни один художник не чувствовал себя так перед своей картиной. Часы летели и казались ему секундами. А мощное пламя в камине поднималось все выше и выше. В комнате разливалась тяжелая жара. Крупные капли пота выступили на его лбу; он подумал, что ему сделалось жарко от охватившего его возбуждения, снял сюртук и продолжал работать в одной сорочке.

И вдруг... неужели ее губы пошевелились? Он всмотрелся внимательнее: в самом деле, ее губы как будто собирались в неуловимую улыбку... Гамильтон провел рукой по глазам, чтобы рассеять бред. Но вот опять... что же это такое?... ее рука медленно-медленно скользит вниз... она манит его к себе... он бросил кисть и кинулся к дивану, и, склонившись перед ней, схватил маленькую белую руку, на которой выступали тонкие голубые жилки. Она спокойно оставила его руку в своих руках. И он пожал ее и поднял голову и еще раз взглянул на нее. С легким криком он бросился к ней и стал целовать ее щеки, губы и шею и ее сияющую белоснежную грудь...

И вся его так долго сдерживаемая любовь и вся его бесконечная страсть к красоте и искусству вылились в этих поцелуях на груди его спящей красавицы...

Но вслед за этим мгновением наступило самое ужасное. Влажная, противная слизь потекла ему на лицо. Он вскочил, отступил несколько шагов назад. Линии ее тела расплылись... Что это было такое, что лежало там, на диване? Противное, нестерпимое зловоние подступило к нему и, казалось, принимало видимый облик в красном сиянии камина. И из превратившегося в слизистый студень труп перед ним поднялось ужасное привидение, простиравшее к нему свои бесчисленные, словно у полипа, руки... Жестокое чудовище Время отомстило за себя!

Он бросился бежать, натолкнулся на дверь.

- Ключи! Ключи!..

Он не находил их, рвал и дергал дверь, исцарапал руки, ударился о дверь головой; кровь выступила на его лице... Железо не поддавалось. А ужасное привидение вздымалось все выше, все разрасталось. Он уже чувствовал, что присасывающиеся щупальца проникают ему в рот и нос. Он закричал как одержимый, бросился в другую дверь - и в смертельном страхе забился там в самый отдаленный угол.

Там и нашли его: маленького, жалкого человека, который вообразил, что он может попать ногами Бесконечность.